

UDC 316.32

DOI: 10.30936/2227_7951_2021_13_104_112

Е.А. ТЮГАШЕВ

ЦЕННОСТИ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ КАК ВЕКТОРА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

***Аннотация:** В статье дана аксиологическая характеристика Киево-Печерской культурной традиции как одной из магистральных традиций, определяющих цивилизационное развитие России. Основными ценностями Киево-Печерской традиции являются радостное терпение, творческое смирение, бытовое подвижничество, блаженный фатализм, инверсивная иерархия.*

***Abstract:** The article gives an axiological characteristic of the Kiev-Pechersk cultural tradition as one of the main traditions that determine the civilizational development of Russia. The main values of the Kiev-Pechersk tradition are joyful patience, creative humility, everyday asceticism, blissful fatalism, inversive hierarchy.*

***Ключевые слова:** Россия, цивилизация, традиция, Феодосий Печерский, Киево-Печерский монастырь.*

***Keywords:** Russia, civilization, tradition, Theodosius of the Caves, Kiev Monastery of the Caves.*

***Предисловие.** В качестве одной из тематических областей социальной теории можно рассматривать традициологию. Объектом ее изучения являются традиции, традиционный уклад общественной жизни и традиционное общество, традиционные цивилизации, движения традиционализма и неотрадиционализма. Исследования традициологов обычно сфокусированы на весьма частных традициях. Наряду с этим выделены магистральные традиции, имеющие общецивилизационное значение (конфу-*

Тюгашев Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск). E-mail: filosof10@yandex.ru.

цианская, буддийская, христианская и др.). В концептуальной призме традициологии цивилизационное развитие России можно представить как динамический комплекс традиций, которые возникают, укрепляются, уходят в тень или отмирают.

Магистральной традицией для российского общества, безусловно, является Кирилло-Мефодиевская традиция с ее ценностями миролюбия, неизменной верности, подвижничества и др. [15]. С ней соперничают другие традиции, в частности, Киево-Печерская. У ее истоков стоят основатели Киево-Печерского монастыря – Антоний Печерский и Феодосий Печерский. Цель данной статьи состоит в выделении ценностей Киево-Печерской традиции, сопоставимых с ценностями Кирилло-Мефодиевской традиции и значимых для цивилизационного развития России.

Общекультурное значение Киево-Печерской традиции. Церковные историки выделяют Киево-Печерскую традицию в летописании, агиографии и иконографии, литургии, песнопении. Известный исследователь древнерусской мысли В.В. Мильков говорит о Киево-Печерских установках, принадлежащих к идейно-религиозной традиции аскетического монашества [5, 8]. Он отмечает наличие Киево-Печерских установок у нестяжателей [5, 9], Ивана Грозного [5, 16], протопопа Аввакума [5, 11]. Поскольку многие известные русские мыслители тяготели к нестяжательству и ряд российских «самодержцев» в исторической памяти ассоциируется с Иваном Грозным, то следует констатировать пролонгированность Киево-Печерской традиции в духовной культуре вплоть до настоящего времени. Можно предполагать, что Киево-Печерская традиция – это не только традиция в русском православии, но и магистральная культурная традиция, выступающая одним из цивилизационных устоев России.

Данное предположение кажется парадоксальным в свете ряда наблюдений. Согласно В.В. Милькову, Киево-Печерская традиция отличается убеждением о непреодолимом разрыве между божественным и человеческим [5, 13]. Действительно, по воззрениям Феодосия Печерского, «кто живет сытной и благополучной жизнью, угождает дьяволу» [1, 182]. Казалось бы, такая концепция должна минимизировать влияние православного аскетизма на мирскую жизнь. Но при этом констатируется, что Киево-Печерские установки вытеснили Кирилло-Мефодиевскую традицию на периферию духовной жизни древнерусского общества [5, 8]. Отсюда основной вопрос данной статьи: в чем состоит аксиологический потенциал Киево-Печерской традиции, выраженный в конкретных нормах (образцах, моделях) поведения?

А такие образцы, несомненно, присутствовали. Так, в «Киево-Печерском патерике» Феодосий Печерский характеризуется как «учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого

жития ... начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись!» [8, 343]. В «Житии Феодосия» Нестор называл его последователем великого Антония и призывал «следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его...» [7, 357]. Как видим, осознавалось наличие значимого жизненного образца, подражания и следования ему, передаче по эстафете, что конституировало культурную традицию. Как отмечал Н.И. Костомаров, деяния подвижников, следовавших за Феодосием, «записывались, передавались изустно, служили примером для других монастырей и распространяли в русском народе известное направление религиозных воззрений» [9, 32-33].

Итак, Феодосию Печерскому подражали не только монахи. Каждый его поступок становился примером христианской духовности и образцом жизнестроительства для всех встречавшихся с ним людей. «Поэтому пример Феодосия и следование этому примеру со стороны других способствовали увеличению духовности в тогдaшней жизни...», — писал В.Н. Топоров [14, 717]. Так в Древней Руси Киево-Печерская традиция перерастала из локального варианта монашеско-аскетической традиции в общекультурную тенденцию.

Ценностный потенциал Киево-Печерской традиции обычно описывается как перечень конкретных добродетелей. По мнению А.С. Демина, у Нестора можно выявить устойчивый комплекс добродетелей монаха «смирение — покорение — послушание — кротость — простость» [3, 121]. Е.Н. Бутузкина пишет о целой системе монашеской морали, представленной в литературном наследии Феодосия Печерского: «Согласно этой системе, монах должен полностью отречься от мира, стяжания, быть воздержанным, смиренным, терпеливым, строго соблюдать посты, быть готовым к ежеминутному покаянию» [1, 182]. Очевидно, что данные комплексы включают добродетели, осуществимые в миру. По оценке Е.Н. Бутузкиной, они составили христианский идеал эпохи Киевской Руси, по которому «Бог любит тех, кто принимает на себя добровольный крест мученичества, лишений, страданий» [1, 182].

Радостное терпение. Терпение является первой ценностью, которую утверждал Феодосий Печерский, обращавшийся с поучениями ко всем, кто хотя бы «втайне ропщет» [11, 437]. Для упражнения в терпении, когда было особенно много оводов и комаров, он обнажал свое тело до пояса и садился прясть шерсть, а «оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь» [7, 377]. «Подвизайтесь, трудники, и увенчае­тесь венцом терпения...» — писал Феодосий [11, 439].

В «Киево-Печерском патерике» имеется ряд фрагментов о терпении. Например, в «Слове о преподобном черноризце Пимене» описывается

следующая ситуация: «И пробыл блаженный Пимен в той тяжелой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и Бога за все благодарил» [8, 471]. Модель поведения, следовательно, такова: терпеть, радоваться бедам и благодарить за них.

Объяснение данной модели находим в «Житии и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося во многом терпении, нового чудотворца среди святых города Смоленска». Автор жития сообщает: «Поистине скажу, что не было в городе такого, кто не оговаривал бы блаженного Авраамия, так что дьявол радовался этому, а блаженный, радуясь, терпел все во имя Господа» [6, 43]. Далее поясняется, что беды посылаются Богом затем, что «этими бедами он обращает нас и приводит к себе, поскольку мы небезгрешны, а, терпя все это, пойдем и вспомним, сколько злых дел мы совершили, а затем предали их забвению, согрешая ночью и днем» [6, 43]. Похожее объяснение содержится в «Киево-Печерском патерике». В «Послании смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского Поликарпу, черноризцу Печерскому» говорится: «Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — такой и без труда спасется ... Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражью. Если же на укорины будешь возражать, то только себе досадишь» [8, 357]. Таким образом, любые неприятности — повод для размышлений над собственными недостатками, поскольку именно они причина этих неприятностей.

В психологическом аспекте можно отметить, что в киево-печерской традиции культивируется интернальный локус контроля. При этой установке человек возлагает вину и ответственность на себя, рассматривает собственное поведение как источник своих успехов неудач. «...Никто из нас не сдерживает себя в своих грехах и не оплакивает их, но мы осуждаем и хулим других», — писал Ефрем, ученик Авраамия Смоленского [6, 51].

Преследующие нас люди могут быть побуждаемы дьяволом, сатана может входить в сердца бесчинных. Но кто мы такие, что бы судить других? Бог-человеколюбец направляет весь мир. «Если же мы возьмем на себя смелость осуждать других, изгонять их справедливо или несправедливо, то, значит, мы отняли кормило у Бога и отдали Божий корабль его противнику, то есть дьяволу», — рассуждал Ефрем [6, 49]. Блаженному только остается молиться за себя и за других.

Мать Феодосия Печерского в гневе не раз сильно избивала его в отрочестве за упрощенчество, «ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него» [7, 359]. Первоначально он не слушал ее уговоров. Но затем стал принимать упреки «с радостью, в смиренном молчании» [7, 361]. Покорясь, он все-таки перестал ходить в лохмотьях, но под

одеждой носил железную цепь. В конце концов, смириением и послушанием он побудил и мать уйти в монастырь.

Творческое смирение. Данная модель поведения, сочетающая терпение и смирение в «Житии Феодосия Печерского» описывается не раз. Испытания внешнего мира ниспосланы, в конечном счете, человеколюбивым Богом. Поэтому с миром приходится смиряться.

В интерпретации В.Н. Топорова, с которой можно согласиться, постигающие неудачи можно оценивать как относительные и частичные, и каждая из них открывала что-то новое и «вела дальше, вернее и надежнее» [14, 660]. Соответственно, противник должен восприниматься как противовольный помощник. Сталкиваясь с противодействием матери, Феодосий выверял свой путь и принимал более сильные решения [14, 668]. Противник «выступает как орудие того же самого божественного Провидения, которое охраняет Феодосия от не самых “сильных”, от промежуточных решений, проверяет его подлинную готовность “датися Богу” и направляет его на узкий, но в данном случае единственно верный путь, который в наибольшей степени отвечает потребностям и возможностям Феодосия» [14, 631].

Следовательно, нужно не упорствовать, а смиряться творчески и расширять поведенческий репертуар. Например, действовать потаенно. В конечном счете, Бог смягчит сердца гонителей или устршит их своим гневом.

Хотя Феодосий Печерский был жалостлив и кроток, милосерд и тих, в отношении иноверцев он был бескомпромиссен. В послании к князю Изяславу он демонстрирует латинофобию, «ибо неправо они веруют и нечисто живут» [11, 449]. Впрочем, ссылаясь на то, что Бог сохраняет в этой жизни всех иноверцев, он советовал избавлять их от беды милостыней [11, 451]. «Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, — сообщает житие, — спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит» [7, 419]. В.Н. Топоров замечал, что «угроза убийства не раз витала над головой блаженного» [14, 716] за его обличения беззаконников и отступников. Смирение не исключало сдержанного противоборства со злыми духами — но только с дозволения небес, с молитвой и силой Христовой [7, 381].

Бытовое подвижничество. В трактовке «Жития Феодосия» смирение — это также значит считать себя недостойнейшим из всех, быть как бы младше всех, всем услужать, являясь образцом [7, 379]. Например, на любое дело уходить первым и последним из него выходить. Отсюда еще одна ценность — подвижничество. Она проявлялась, прежде всего, в подвижности.

«На протяжении всего повествования, — отмечает В.С. Солодова, — настойчиво повторяется мотив движения, ходьбы» [13, 14]. Феодосий и его сподвижники трудились непрестанно, «не давая ни рукам, ни ногам своим покоя» [7, 389].

В отличие от магистральной подвижности св. Кирилла и Мефодия, пребывавших в дальних миссиях, подвижность киево-печерцев локальна и ориентирована на обретение места своего призвания. «Феодосию открылось, что его призвание воплотится в подвиг не там, а здесь, не в странах, а в сидении на месте, не в насыщении души впечатлениями и переживаниями, но в трезвении ее и в труде», — пишет В.Н. Топоров [14, 666]. Трудиться нужно здесь и сейчас — там, где «воткнут» [14, 667].

Впрочем, не вполне ясно, какое место оказывается доподлинно «своим». Возможно, это там, где происходит, как говорили сюрреалисты, «решающая встреча» — встреча с тем, кто тебя понимает (как встреча Феодосия с Антонием). Подлинность взаимопонимания непосредственно подтверждается практикой жизнеобеспечения сподвижниками многолетне-го пещерного затворничества.

Обустройство и персонализация места своего призвания обуславливает хозяйственную хлопотливость. Описывая труженичество как форму подвижничества, В.Н. Топоров указывал на некоторые черты труда Феодосия и его сподвижников [14, 682]. Это простой, будничный и повседневный труд. Он, как правило, несложен, но совершенно необходим, конкретен, разнообразен и требует завершения. Это не героический труд, основанный на энтузиазме, а рутинная, систематическая и размеренная, тщательно контролируемая деятельность, ориентированная на заранее намеченные результаты, предназначенные для конкретных людей.

Впрочем, на мой взгляд, эти черты присущи любой обыденной хозяйственно-бытовой деятельности. Собственно подвижническим трудовую деятельность Феодосия Печерского делают следующие ее особенности, о которых также писал В.Н. Топоров: 1) добровольность и инициативность в выполнении дел; 2) выбор наиболее тяжелого или наиболее необходимого в данный момент дела; 3) работа сверхурочно, в том числе во время, отведенное для отдыха; 4) постоянная, иногда даже скрытная, помощь другим; 5) хозяйская озабоченность делами всех [14, 707-708]. Усердие Феодосия в каком-либо нелегком деле увлекало других: они присоединялись к нему и делали все с избытком [7, 391]. Приумножавшееся богатство позволяло монастырю отдавать десятую часть имущества нуждающимся.

Блаженный фатализм. При аскетической установке, как это демонстрировал еще Диоген, остро ощущается избыточность имеющегося. Ког-

да Феодосий Печерский ходил в дорогой одежде, то чувствовал ее тяжесть и потому отдавал одежду нищим, довольствуясь лохмотьями [7, 363].

Избавление от излишних мирских благ мотивировалось надеждой на приобретение после смерти царствия небесного и жизни вечной. Поэтому в рамках Киево-Печерской традиции прямо запрещалось думать и заботиться о завтрашнем дне. Достаточно всем сердцем надеяться на милость Бога, который не оставит без средств к существованию [7, 397]. Данную ценностную установку можно назвать блаженным (оптимистическим, позитивным) фатализмом. Не оставляли бедствующих монахов, разумеется, кто-то из богатых, дарившие Киево-Печерскому монастырю даже села.

Инверсивная иерархия. В отличие от Кирилло-Мефодиевской традиции, ориентированной на гетерархию, Киево-Печерская традиция основана на иерархии. Согласно «Повести временных лет», в Киево-Печерском монастыре «в любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим» [10, 227].

Игумен относился к братии как заботливый пастух к стаду. Культивировалось строгое и нерассудное послушание игумену, без мудрствования и «до последнего издыхания» [2, 21]. Н.И. Костомаров относил Антония и Феодосия к категории людей, «сильных волей» [9, 25]. И в отношении Феодосия Печерского историк писал: «Главное, чего требовал он — это беспредельное послушание воле игумена, послушание без всякого размышления. Оно ставилось выше поста, выше всяких подвигов изнурения плоти, выше молитв» [9, 28].

Самоотвержение вырабатывалось, прежде всего, трудом на общую пользу [4, 23]. Порученное дело требовалось исполнять «со всяческим прилежанием и со страхом Божьим, с покорностью» [7, 427]. Кроме того, Феодосий Печерский постоянно досматривал кельи, изымал и выбрасывал неуставное имущество. Так же он поступал (как впоследствии староверы), если без его благословения или повеления что-то было сделано («плод дьявольский») [7, 409]. За непослушание виновные наказывались епитимьей. Последняя могла раскладываться среди братии [10, 227].

Вместе с тем, будучи в монастыре на вершине иерархии, Феодосий, как говорилось выше, стремился всем услужать и быть как бы младше всех. А вновь принимаемые послушники, наоборот, находились в более благоприятном положении, пока привыкали к уставу монастыря. Досаждения и попреки от своих учеников преподобный сносил с радостью, за всех молясь [7, 427].

Особенность иерархической организации в Киево-Печерской традиции состояла в том, что старший оказывался младшим. Так, в Великом

посольстве Петр I стал Петром Михайловым, урядником Преображенского полка. Данный тип организации иерархических отношений можно определить как инверсивную иерархию [12]. В аспекте феномена инверсии интересно, что под начальством Феодосия Печерского очутились даже бесы, когда он «приобрел от Бога власть над ними», и более «бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы» [7, 383].

Заключение. Нетрудно заметить, что выделенные нами ценности Киево-Печерской культурной традиции являются достаточно важными для российского общества. Сегодня эти ценности чаще оцениваются отрицательно – как антиценности, блокирующие цивилизационное развитие России. В то же время в определенной мере они культивируются в православной среде и государственной пропаганде, ориентированной на массовое сознание.

Но нельзя не признать некоторую оправданность и привлекательность данных ценностей в сложившихся социокультурных условиях. В.Н. Топоров думал, что Феодосий Печерский и его последователь Сергей Радонежский нашли, по сути дела, «путь преодоления соблазнов и грехов русской души» [14, 610]. Возможно, ценности Киево-Печерской культурной традиции отчасти соответствовали ментальности восточных славян. Но обстановка утверждения Киево-Печерской традиции демонстрирует, что она все же не превалировала, а тем более – не определяла перспективу цивилизационного развития России. Поэтому представляет интерес выделение других магистральных традиций российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутузкина Е.Н.* Феодосий Печерский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 182
2. *Васиховская Н.С.* Повседневная жизнь монашества Северо-Восточной Руси (середина XIV – начало XVI века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2019. Т. 29. – Вып. 1. – С. 19-28.
3. *Демин А.С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 408 с.
4. *Елагин В.С., Шалимова И.И.* Духовный мир Киево-Печерского патерика: Учебно-методическое пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 240 с.
5. История русской философии: Учебник / под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. – 640 с.
6. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. – СПб.: Наука, 1997. – С. 30-65.
7. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 352-433.
8. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 296-489.

9. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Кн. 1. – М.: СВАРОГ, 1995. – 768 с.

10. Повесть временных лет. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 62-315.

11. Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 434-455.

12. *Севостьянов Д.А.* Исследование активности человека: инверсивный анализ в контексте постнеклассической рациональности // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 117-124.

13. *Солодова С.В.* Духовное и телесное в Житии Феодосия Печерского // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. – Екатеринбург: УРФУ, 2019. – С. 14-17.

14. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.

15. *Тюгашев Е.А.* Фундаментальные ценности кирилло-мефодиевской цивилизации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2021. – № 2 (7). – С. 75-84.

Поступила в редакцию 03.07.2021 г.